

КЛУБ К **ЧАС ПОЭЗИИ** Труд-7.-1997.-19дек.-с.8

Григорий ПОЖЕНЯН:

МНЕ СТУКНУЛО СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ — МНОГО?

Да, пожалуй, много. Слишком велики и невосполнимы потери. Особенно за последние годы. Прекрасные поэты, мои друзья: Юрий Левитанский, Володя Соколов, Борис Чичибабин, Булат Окуджава. За плечами — полувековые дружбы...

Так круто изменилась жизнь, что со многими товарищами растался по несовместимости взглядов, интересов и пристрастий.

Новое время и распад единой страны отняли у меня духовные прибежища: Дубулты, Пицунду. Замахнулись на Одессу.

Постарев, я перестал купаться в проруби, ходить в моря — подолгу, всерьез, плавая не для развлечения.

Зрчкам не хватает сирени, вечерам — книг, застольям — милых душе собутельников.

Пивные кружки, широкий разброс водочных изделий, красные маринованные чесночки, бастурма, воблы, перцы косят глаз на камни — то в печени, то в желчном пузыре, но сдаваться нет сил, а меняться нет смысла... Все меньше радостных телефонных звонков, призывных, снаряжающих в дорогу.

Но все это стало — стихами.

У меня за последние три года вышли две книги: "Защищая свою крутизну" и "Скачка". Книжки проплатили товарищи... Такие теперь расклады.

Собрал толстенную книжку старых и совсем новых стихов. Попробую издать. Самые свежие стихи из этого сборника предлагаю "Труду", с которым давно и нежно связан.

Так треплют коноплю
среди белой кутерьмы...
Проснусь и снова сплю.
И снятся мне сомы.
И сам я — старый сом,
прижат зеленым льдом.
На ледяной засов
закрыт мой зимний дом.
И мне бы хоть разок
там, наверху, побыть.
А нет — хотя б глазок
на небо прорубить.
...А то я, как холмы,
за матовым стеклом
лежу среди зимы.
Весь в белом и белом.
И нету смены дня.
День встанет у крыльца,
нацелится в меня —
И нет ему конца.
Я день переживу,
Я боль перетерплю.
Я, словно на плаву:
проснусь — и снова сплю.
Один, в чужом дому,
Как белый пароход,
затертый по корму
В прибитый веком лед.

СЫНУ

Царевы игры —
поздний гул пиров.
Царевы свиты —
горькие расплаты.
Сперва меняли совесть на бобров.
Потом их мягкий мех —
на казематы.
И нечего на Бога уповать,
искать в глазах сподвижников пощады.
Когда меняет тронные наряды
губительная страсть повелевать.
Царевы казни
и царевы страхи.
Пизанской башни роковой наклон?..
Наклон спины
от трона и до плахи.
Пустой зрачок —
от плахи царский трон.
А как же те, которых извели?
Которые казнились и горели?
Коперники, Сократы, Галилеи,
Иисусы нестареющей земли.
Как дальше жить нам?
Что нам делать впредь?
Но мудрецы не находили выход.
Живи, мой сын,
без хитростей и выгод.
И будь готов
казниться и гореть.